

ТОЛСТАЯ Марфа Никитична (Москва, Россия)

Синтаксис возвратного *sę в говоре гуцульского села Головы начала XX века*

“Отделяемое” возвратное *sę на восточнославянской территории регулярно отмечается только в юго-западных украинских говорах [АУМ II, к. 248]. Эта изоглосса показывает один из признаков системы грамматических энклитик, существующей в этих говорах. Помимо *sę, энклитиками являются краткие формы личных местоимений в косвенных падежах и служебных глаголов, участвующих в глагольном формообразовании (распространение этих форм отражено на картах АУМ [II, к. 207, 245]), а также некоторые фразовые частицы.

Поведение энклитик во фразе описывается законом Вакернагеля, сформулированным для древних индоевропейских языков, в соответствии с которым энклитики, относящиеся к сказуемому, стремятся занять место в первой тактовой группе предложения, объединяясь в цепочку, и не могут располагаться правее тактовой группы управляющего глагола. В славянских языках, обладающих системами энклитик, на действие этого закона накладываются разного рода факторы, ограничивающие стремление энклитик к началу фразы [5, 28, 66–70].

Наличие системы грамматических изменяемых энклитик объединяет украинские юго-западные диалекты с южно- и западнославянскими языками. А.А. Зализняк подробно исследовал системы энклитик в древнерусских памятниках и проследил механизмы и этапы их утраты и превращения *sę в глагольный постфикс [1]. Исследователи славянских клитик отмечают непрямую зависимость их синтаксического поведения от просодического статуса, различая синтаксические и фонетические клитики (см. [1, 8; 5, 51–52]; ср. [2, 143]); мы рассматриваем именно синтаксические энклитики. Как известно, расположение энклитик играет роль в коммуникативной организации предложения; этой семантической стороны

* Работа выполнена при поддержке программы Президиума РАН “Язык и литература в контексте культурной динамики” (проект “Типология клитик и систем порядка слов с клитиками в синхронии и диахронии”). Благодарю С.Л. Николаева за ценные замечания при подготовке доклада.

их синтаксического поведения мы не касаемся, рассматриваются лишь общие статистические тенденции размещения **se*.

Юго-западные украинские говоры в связи с проблемой энклитик упоминал уже Р.О. Якобсон [7]; в поле зрения более поздних исследователей попал гуцульский диалект [6, 194–201].

Доклад посвящен поведению энклитики **se* в частной диалектной системе с. Головы; **se* является наиболее частотной энклитикой и представляет наибольший интерес для истории восточнославянских языков, на основной территории которых она трансформировалась в глагольный постфикс. Рассматривается место **se* по отношению к управляющему глаголу, а также к местоименным и глагольным энклитикам.

Гуцульский говор с. Головы известен из нескольких источников. Записи начала XX в. опубликованы В. Шухевичем [ШухГГ]; кроме того, из этого села был родом П. Шекерик-Доников, автор известного этнографического романа “Дідо Иванчік”, написанного на гуцульском диалекте в 30-е годы XX в. и опубликованного лишь недавно [ШекДИ]. Объем [ШухГГ] – около 4 а. л. (665 употреблений **se*), [ШекДИ] – около 23 а. л. (около 4800 употреблений). Помимо этого, в нашем распоряжении имеется небольшой текст, записанный в с. Головы в 1990 г. (19 употреблений). В основу исследования положены записи [ШухГГ]; данные [ШекДИ], являющегося авторским художественным текстом, привлекаются для сравнения. Цифры после примеров означают номер страницы издания.

Место **se* в предложении зависит от типа фразы, точнее, клаузы (синтаксической составляющей, вершиной которой является глагол или связка; уточнение понятия клаузы применительно к синтаксису энклитик см. [1, 12–15]). Основные типы клауз, релевантные для поведения энклитик, выделены и описаны А.А. Зализняком (см. подробно [1, 17, 57–60, 172]). Мы в основном пользуемся этой классификацией (с некоторыми изменениями применительно к материалу).

Не считаются частью клаузы, если не оговорено иное, союзы и частицы *та*, *тай*, *бо*, *и* (*й*), *а*, *але* ‘но’, *або* ‘или’, *то* (союз), *а то*, *ци* ‘или’, разъединит. союз); предлоги и отрицание *ни* рассматриваются как часть следующей словоформы. В клаузах, начинающихся с управляющего глагола, энклитики попадают в автоматическую постпозицию к нему, поэтому такие клаузы исключаются из рассмотрения.

Из основного массива выделяются клаузы с начальными проклитико-энклитическими комплексами, где *sę (одиночное или в составе цепочки) стоит после сочинительных союзов – праславянских проклитик *бо¹*, *та(й)*, *то*, например, [ШухГГ] (*Не йди тут,*) *бо си втопимо!* 62, (*а змия провалила си в море*) *тай си затопила* 78, (*Господь знав, шо маєт бути,*) *то си ни питав* 7; [ШекДИ] *бо їм си широко зробило на світі* 312. Такие клаузы редки: 10 в [ШухГГ] и 11 (т. е. относительно гораздо меньше) в [ШекДИ]. Отметим, что комплексы с подчинительными союзами – праславянскими проклитиками *йшк* (*єк*) (союз), *ци* (изъяснит. союз; вопросит. частица) рассматриваются в основном массиве клауз.

Общий процент (коэффициент) препозиции *sę в клаузах с неначным глаголом в [ШухГГ] составляет 56% (238/428), в [ШекДИ] – 47%; в записи говора 1990 г. случаев препозиции *sę лишь 2 из 15. В разных типах клауз этот процент различен; наблюдаются, таким образом, факторы, облегчающие и затрудняющие препозицию *sę.

Особый тип составляют клаузы с зависимым возвратным инфинитивом (условно к ним относятся также конструкции со вспомогательными глаголами будущего времени). Как и в древнерусском языке (и ряде других славянских) [1, 13; 5, 56, 327 и др.], энклитики, подчиненные инфинитиву, обычно ведут себя так, как будто они подчинены управляющему инфинитивом глаголу² (мы отвлекаемся здесь от того, что управляющим словом изредка бывает не глагол). Процент препозиции *sę к зависимому инфинитиву (Q_{inf}) составляет в [ШухГГ] 63% (41/65), в [ШекДИ] 75%. Однако в этом классе клауз особо ведут себя конструкции с инфинитивом цели (например, *Побіг чорт до старшого знов радити си* [ШухГГ, 146]). Препозиция *sę в таких конструкциях составляет в [ШухГГ] всего 11% (2/18), в [ШекДИ] – 7% (2/27). За выче-

¹ Союз *бо*, традиционно трактуемый как подчинительный, является сочинительным по своим синтаксическим свойствам: в сложном предложении часть, вводимая им, не может находиться на первом месте; он свободно сочетается с подчинительными союзами и союзными словами, предшествуя им.

² Исключение составляют клаузы, где оба глагола – управляющий и инфинитив – являются возвратными; в этом случае инфинитив ведет себя как отдельная клауза, например, [ШекДИ] *Лиш тепер про це я си боев признаватиси дідови* 16, (*тай упадок їх знаєт,*) *ци ймутси їстиси* 454.

том этого особого типа общих Q_{inf} составляет соответственно 83% и 79%.

В большинстве таких клауз с препозицией **sę* оно занимает место между глаголом и зависимым от него инфинитивом. Источники различаются, однако, в том, насколько часто **sę* может оказываться левее управляющего глагола. В релевантных клаузах (с неначальным управляющим глаголом) в [ШухГГ] это происходит лишь в 2 примерах из 33 (6%), а в [ШекДи] – в 37% случаев.

Далее, выделяются клаузы с энклитикой *би* (*бих*, *бес*, *бесте*)³ или союзами *аби* (*абих...*), *йикби* (*екби*) (*йикбих...*), *шоби* (*шобих...*), *коби* (*кобих...*). В них процент препозиции **sę* ($Q_{би}$; без учета инфинитивных конструкций) в [ШухГГ] составляет 91% (21/23), в [ШекДи] – 83%, причем в 75% и 95% случаев соответственно **sę* располагается контактно с (-) *би* (*бих...*), следуя правилу, требующему объединения энклитик в цепочку. Отметим, что конструкции с инфинитивом цели (в том числе зависимым) не подчиняются этой закономерности: например, [ШухГГ] *аби вин пішов води цілушої для неї вмивати* си 77 (2 случая из 2), [ШекДи] *А таздині журилиси, ек би злагодитиси* 78 (7 случаев из 8).

В [ШекДи], существенно превышающем [ШухГГ] по объему, выделяются еще два особых типа клауз: клаузы, начинающиеся с *най*, – 100% препозиции **sę* (36 случаев); клаузы с деепричастным оборотом (мало свойственным разговорной речи) – 3% (3/98) (в [ШухГГ] эти типы клауз с **sę* не встретились).

Остальные типы клауз, вслед за [1, 17, 59], делятся на простые и осложненные в зависимости от степени сложности: простые в предглагольной части содержат одно нераспространенное зависимое слово⁴ или союз, а также могут дополнительно включать одно местоименное слово; осложненные – все более сложные. Среди простых выделяются: 1) с начальным местоименным словом; 2) с начальным союзом; 3) с начальным знаменательным словом; среди осложненных – 4) многоактантные (с несколькими нераспространенными зависимыми словами) и 5) тяжелые (с распространенными зависимыми словами).

³ В [ШекДи] зафиксировано также 4 примера употребления *би* в функции союза в начале клаузы, один из них с **sę*: *то Юріштан изгонив народ з усіх горий, би си всі люде дивили на страшну смерть опришків тай кайлиси по них* 147.

⁴ Подлежащее условно считается зависимым от глагола.

А. А. Зализняк показал, что в ранних некнижных памятниках древнерусского языка процент препозиции **se* в простых клаузах существенно выше, чем в осложненных. В [ШухГГ]⁵ эта разница не столь велика, хотя и заметна, – 56% и 42% соответственно, но наблюдается заметный разброс данных по разным типам клауз. Приводим их в таблице вместе с предыдущими типами, расположив по величине процента препозиции **se*:

Всего	<i>Би</i>	инф. (кроме цели)	с нач. местоим.	с нач. союзом	много-актантные	с нач. знаменат. словом	тяжелые	инф. цели
56% (239/428)	91% (21/23)	83% (39/47)	61% (77/126)	58% (18/31)	54% (28/52)	42% (36/85)	34% (14/41)	10% (2/20)

Общий процент препозиции **se* в [ШухГГ] близок к показаниям таких древнерусских памятников, как Русская Правда (53%) и Слово о полку Игореве (52%) [1, 218]. Но этот показатель в говоре с. Головы значительно ниже, чем в закарпатском верховинском диалекте с. Синевир (см. о нем [2; 3]), в котором процент препозиции **se* у разных информантов колеблется от 73% до 89%, что сравнимо с показаниями ранних новгородских берестяных грамот (77%) [1, 218].

Можно подсчитать также процент неавтоматической контактной препозиции **se*, т. е. процент случаев, когда **se* контактно предшествует глаголу в клаузах, где в предглагольной части есть более одного места для размещения **se*. Ниже в таблице для сравнения приведены данные двух информантов из с. Синевир.

	[ШухГГ]	[ШекДИ]	Синевир 1 (1924 г.р.)	Синевир 2 (1940 г.р.)
Препозиция * <i>se</i>	56%	47%	89%	83%
Неавтоматическая контактная препозиция * <i>se</i>	65%	39%	23%	25%

Особенностью говора с. Головы является нефиксированное место **se* в цепочке по отношению к другим местоименным энклитикам, что практически уникально для современных славянских систем клитик [5, 508]; это верно для энклитик как дат., так и вин. п.: [ШухГГ] дат. *але захотіло си му води*

⁵ В [ШекДИ] подсчеты по этим типам клауз не проводились; в целом удельный вес осложненных клауз в этом художественном тексте заметно выше, чем в [ШухГГ].

питу 147 ~ *Масток, шо му си вдавав, забрав з собов* 176, *усі му си розступили* 50; *вин. Піп хотів го си збути* 62, *Чорти го си питают* 77 ~ *Усі вони си го питали* 77, *але абис си го запитав* 44, *Питаєт си го Трикамінь* 114 (местоименные энклитики 1–2 лица в сочетании с **se* в [ШухГГ] не встретились). Глагольные энклитики всегда предшествуют **se*: *не давно сми си виділи* 176, *може бих си стокмили* 176 и т. д. То же отмечается и в [ШекДИ] (подробнее см. [3, 207–209]).

Наконец, в [ШухГГ] зафиксирован пример употребления в качестве энклитики личного местоимения-подлежащего, отделяющего **se* от глагола в постпозиции: *Розийдїм ми си!* 28; очевидно, такого же рода многочисленные примеры порядка *аби ми си...*, *аби ти си...*, где *ми*, *ти* – местоимения-подлежащие. Аналогичные примеры отмечаются и в [ШекДИ]. Подробнее об этом явлении см.: [4].

Сравнивая в целом системы с. Головы и с. Синевир, можно видеть, что закарпатская система более последовательно выдерживает вакернагелевский принцип. Различие двух систем заметно и по такому параметру, как процент (коэффициент) энклитичности (употребления кратких форм) у местоимений в парах типа *ми* ~ *мені*, *мнѣ* (*мне*, *ня*) ~ *мене*: в последней паре, например, в [ШухГГ] он равен 4% (2/46), в [ШекДИ] – 24,5%, в синевирском говоре – 71% (в ранних берестяных грамотах – 92%). Очевидно, что закарпатский говор сохраняет в живом виде древние принципы устройства системы энклитик, а гучульский показывает некоторую стадию ее разрушения.

1. Зализняк А.А. Древнерусские энклитики. М. 2008.
2. Толстая М.Н. Форма плюсквамперфекта в украинских закарпатских говорах: место вспомогательного глагола в предложении // Балто-славянские исследования 1998–1999. Вып. XIV. М. 2000.
3. Толстая М.Н. Карпатоукраинские энклитики в южнославянской перспективе // Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура. Вып. 2: 2009–2011. М. 2012.
4. Толстая М.Н. Энклитизация личных местоимений в украинских закарпатских говорах // Slavica Svetlanica. Сборник к юбилею С.М. Толстой. М. 2013.
5. Циммерлинг А.В. Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте. М. 2013.
6. Franks S., King T.H. A Handbook of Slavic Clitics. N.Y. 2000.
7. Jakobson R. Les enclitiques slaves // Jakobson R. Selected Writings. The Hague. Vol. 2. 1971.

- АУМ П Атлас української мови: в 3 т. Т. 1–3. К. 1984–2001.
ШухГГ Шухевич В. Гуцульщина. Ч. 5. Львів. 1908 (записи из с. Головы).
ШекДИ Шекерик-Доників П. Дідо Иванчік. Верховина. 2007.

REFLEXIVE *SE SYNTAX
IN THE IDIOM OF HUTSUL RURAL COMMUNITY
GOLOVY IN THE EARLY 1900

The paper is based on the published language material of the idiom as well as on the text of the novel “Dido-Yvantchik” [Дідо Иванчік] by Shekeryk-Donykiv and focused on the factors, that contribute to the syntactic position of *se in its connection with the verb and its place withing the enclitic row. Being compared to the modern idiom of Transcarpathian community Synevyr the Hutsul system appears to be less consistent in following the archaic principles of enclitic positioning.

УДК 81'28
ББК Ш 141-5я43
Д44

Д44 **Діалекти в синхронії та діяхронії: загальнослов'янський контекст** [тези доповідей міжнародної конференції] / За ред. П.Ю. Гриценка. Ін-т укр. мови НАН України. К.: КММ, 2014. 524 с.

ISBN 978-966-1673-22-8

У книзі вміщено тези доповідей учасників міжнародної конференції “Діалекти в синхронії та діяхронії: загальнослов'янський контекст” (Київ, 31 березня – 2 травня 2014 року), присвячені актуальним питанням сучасної діалектології української та інших слов'янських мов. Висвітлено проблеми діалектної лексикології, фонетики, акцентології, ономастики та граматики.

У дослідженнях порушено теоретичні й практичні питання старожитніх і новостворених говірок слов'янських мов у синхронії та діяхронії; з'ясовано питання контактування різних за структурою українських говірок та міжмовну взаємодію.

У збірнику – праці мовознавців України, Росії, Білорусії, Польщі, Молдови та Норвегії.

Для науковців, викладачів, студентів.

The proceedings contain the studies on actual issues in modern dialectology of Ukrainian and other Slavic languages. There are the studies that was presented on international conference “Dialects in synchrony and diachrony: the Slavic context” (Kyiv, March 31 – April 2, 2014). Problems of dialectal lexicology, phonetics, accentology, onomastics and grammar are raised in the book.

The investigations in dialectology of Ukrainian and other Slavic languages presented in proceedings are done both in view of synchrony and diachrony, both in light of language systems and interlanguage features.

There are researches of linguists from Ukraine, Russia, Belarus, Poland, Moldova and Norway in the book.

For scientists, lecturers, students.

*До друку схвалила вчена рада Інституту української мови НАН України
(протокол № 2 від 4 березня 2014 р.)*

Редколегія:

П.Ю. Гриценко, доктор філологічних наук, професор (голова редкол.);

О.С. Іщенко, кандидат філологічних наук (секретар);

Н.С. Вербич, кандидат філологічних наук;

Г.С. Кобирилка, кандидат філологічних наук;

М.В. Поїстогова, кандидат філологічних наук;

М.М. Ткачук, кандидат філологічних наук.

Інститут української мови НАН України © 2014

Автори © 2014

М ТОВ «КММ» © 2014